

—

VIII.

Когда Гу Сьюань и Се Иян вернулись домой, старшая невестка Го Юй как раз выходила из кухни с готовой едой. Увидев их, она сказала:

— Как раз вовремя. В печи еще теплятся угольки, можете сразу ими воспользоваться.

— Хорошо, спасибо, старшая невестка, — Се Иян спрыгнул с рамы велосипеда.

Го Юй покачала головой и улыбнулась:

— За что ты меня благодаришь?

С тех пор как семьи разделились, её душевное состояние заметно улучшилось. Хотя при разделе отец и мать Гу, кроме положенного по головам пайка зерна и этих временных комнат, не дали двум семьям ни единого мао, теперь их рабочие баллы и зарплаты принадлежали только им. Потихоньку можно было начать копить. В любом случае, это было лучше, чем ютиться всем вместе, есть мякину с овощами и при этом бесконечно содержать Лаосы и Гу Лили.

Когда двое вошли в кухню, Гу Сьюань принялся разгрести угли в дальней печи, а Се Иян зачерпнул ковшом воды в котел, с воодушевлением высунувшись и спрашивая:

— Муж, что мы будем есть сегодня на ужин?

Гу Сьюань на мгновение задумался, а затем поднял голову:

— Сварим суп с клецками — гэдатан.

Глаза Се Ияна засияли:

— Суп с клецками — это здорово! Как раз сегодня в бригаде нам велели собирать шпинат, он такой зеленый и свежий. Добавим его в конце в суп.

Глядя на его радостный вид, Гу Сьюань выпрямился и подошел к кухонному шкафу в углу, открыв дверцу ключом. Из-за того, что кухня была общей, во избежание ненужных споров и конфликтов, три семьи запирали свои продукты каждая на своей полке и доставали понемногу только перед готовкой.

Гу Сьюань развязал веревку на мешке с мукой и насыпал немного в миску. Мука в те времена была не белой, а коричневатой — её мололи вместе с отрубями, отчего вкус был довольно грубым. Но даже такая мука считалась драгоценностью: в производственной бригаде на человека выдавали всего один-два мешка в год.

Однако, когда Гу Сьюань убирал мешок на место, его боковым зрением зацепил маленький мешочек с рисом и зерном, стоявший рядом. Он мгновенно нахмурился.

— Се Иян, подойди сюда! — раздался холодный мужской голос.

Се Иян, возившийся у печи с водой, невольно вздрогнул. Он медленно обернулся и виновато

посмотрел на мужа. Что случилось с его мужем? Почему он вдруг стал таким грозным?

Однако, увидев в руках Гу Сьюаня мешочек, юноша тут же расплылся в заискивающей улыбке и медленно засеменил к нему. Он принялся тереться о Сьюаня, словно кусок липкой нуги, притворяясь дурачком и спрашивая с невинным видом:

— Муж, ну что такое случилось?..

Гу Сьюань крепко обхватил его ладонью за подбородок, его взгляд был ледяным:

— Не смей подлизываться. Почему ты не обедал? Этот узел завязан точно так же, как я завязал его утром.

— ... — Се Иян.

«Зачем вообще запоминать, как именно завязан узел на мешке?» — подумал он. Однако сейчас ему оставалось только неловко улыбаться с видом полнейшего раскаяния.

Но Гу Сьюань явно не собирался так просто сдаваться. Он чуть усилил хватку и холодно скомандовал:

— Говори.

Хм.

Се Ияну стало немного досадно и невольно обидно. Раздув щеки, он пробормотал:

— Я был дома один и всё время думал о тебе. У меня совсем не было настроения есть, мне было всё равно... К тому же, я на самом деле сварил себе одну картофелину и съел её.

С этими словами он даже начал чувствовать себя немного правым.

— ... — Гу Сьюань.

Выходило так, будто это еще и его вина. Будь это в XXI веке, он мог бы создать тему на форуме: «Жена слишком сильно меня любит, что делать? Как только я ухожу на работу, он теряет аппетит и чахнет от тоски».

Но на дворе были семидесятые. Большинству людей не хватало питательных веществ, а Се Иян и сам по себе был очень худым, так что приемы пищи должны были быть строго по расписанию. Гу Сьюань смотрел на него сверху вниз, его лицо всё еще оставалось суровым.

Се Иян, не отрывая взгляда, медленно поднял два тонких белых указательных пальца и приложил их к уголкам губ Сьюаня, слегка потянув их вверх.

— Муж, я признаю свою вину, ну улыбнись же! — заискивающе произнес он.

Говоря это, он намеренно встал на цыпочки и несколько раз поцеловал Гу Сьюаня в щеку и в губы.

— ... — Гу Сьюань.

Коварное человеческое существо. Разве можно продолжать злиться? Его жена... действительно умеет задабривать.

Подумав об этом, Гу Сыюань просто склонил голову и несколько раз прикусил эти алые, говорящие сладкие речи губы, произнеся низким голосом:

— Чтобы это было в последний раз.

— Угу-угу, хорошо... Я понял, — Се Иян расплылся в сияющей улыбке и сладко протянул слова в ответ.

Краткий спор закончился, и они снова вернулись к своему обычному нежному состоянию. Гу Сыюань зачерпнул из котла немного горячей воды, добавил её в миску с мукой и палочками медленно перемешал, формируя маленькие рваные клецки-хлопья. Когда вода закипела, он высыпал их в котел, помешивая, чтобы они не слиплись.

Вскоре клецки одна за другой начали всплывать — они варились очень быстро. Гу Сыюань добавил немного соли и капельку масла для вкуса, а затем бросил туда шпинат, который только что вымыл Се Иян.

— Всё, можно есть! — воскликнул Се Иян, с воодушевлением заглядывая в котел.

Гу Сыюань покосился на него и сухо спросил:

— Проголодался?

— Вовсе нет, — решительно соврал Се Иян, помня о недавнем выговоре.

И тут же из его живота раздалось отчетливое и громкое «ур-р-р».

— Кхм-кхм... а-а-а... — Се Иян тут же нарочито закашлялся, пытаясь скрыть этот неловкий звук.

Гу Сыюань протянул руку и ущипнул его за мягкую щеку, холодно произнеся:

— И правда, еще совсем малыш — даже за тем, как ты ешь, нужно присматривать.

— М-м... — Се Ияну было и сладко, и немного стыдно.

«Ну как мой муж умудряется произносить такие слова с таким естественным видом?» — пронеслось в голове у Се Ияна.

Гу Сыюань разлил суп с клецками по двум мискам. Се Иян уже собирался долить в котел воды, чтобы она подогрелась для мытья посуды, но Сыюань вовремя его остановил:

— Подожди, нужно разогреть еще кое-что.

С этими словами он открыл принесенный с собой контейнер. Увидев его содержимое, Се Иян широко раскрыл глаза:

— Это же луковые лепешки на масле! Ты привез их из столовой?

Гу Сыюань кивнул:

— Я же сказал, что привезу тебе вкусенького.

Се Иян поднял на него взгляд, слегка нахмутив свои красивые брови:

— Почему их так много осталось? Ты что, сам не обедал?

Сьюань ущипнул его за нос и нарочито сурово ответил:

— Конечно, обедал. Это то, что осталось. Ты думаешь, я такой же глупый, как ты?

Поняв, что муж подтрунивает над ним, Се Иян притворно надул щеки:

— Хм! Ну конечно! Это только я в одностороннем порядке так сильно по тебе тоскую, что кусок в горло не лезет, а ты по мне совсем не скучаешь.

— ...

Гу Сьюань тут же перестал щипать его за нос и переключился на щеку. Его маленькая жена был настоящим мастером переворачивать всё с ног на голову.

Хотя лепешки уже остыли, масла в них было предостаточно. Стоило им коснуться разогретого дна котла, как по кухне поплыл неповторимый аромат поджаренного теста и зеленого лука. Се Иян блаженно вдохнул этот запах и, не боясь обжечься, схватил одну лепешку и первым делом поднес её к губам мужа.

Глядя на то, как супруг сияет, словно преподнося сокровище, Гу Сьюань почувствовал, как сердце наполняется нежностью. Он откусил кусочек и сказал:

— Ешь сам. Я в обед наелся, они слишком жирные, даже немного подташнивает.

— Правда? — Се Иян склонил голову набок и недоверчиво уставился на него, широко раскрыв глаза.

Гу Сьюань рукой вернул его голову в прямое положение и холодно скомандовал:

— Ешь давай.

Закончив разговор, он подхватил две большие миски с супом и вышел из кухни. Се Иян посмотрел ему в спину и тихонько рассмеялся — он впервые заметил у своего мужа признаки «позорного бегства». И ведь всё это потому, что он его любит. На душе у Се Ияна стало так сладко, будто он объелся меда.

Дом семьи Гу был невелик, а густой аромат луковых лепешек распространялся мгновенно. Едва они покинули котел, как все обитатели двора невольно потянули носом. В это время отец, мать Гу и Гу Лили как раз ужинали. Посмотрев в свои миски с пустой похлебкой, они вмиг потеряли всякий аппетит.

Мать Гу холодно бросила:

— Только первый день на работу вышел, а уже так шикаует.

Отец Гу тоже вставил упрек:

— Раньше у Лаосаня не было таких замашек.

Гу Лили промолчал, но его глаза были полны жгучей обиды. С тех пор как Гу Сьюань при всей семье разоблачил его занятия спекуляцией, отец и мать Гу под влиянием его оправданий постепенно перестали придавать этому значение. Однако Фэн Кэн больше не желал рисковать.

Тот чувствовал, что Гу Сьюань — человек непростой, и боялся, что это дело станет зацепкой для шантажа в будущем.

Дело в том, что Фэн Кэн недавно действительно получил письмо из столицы: наверху всерьез обсуждали вопрос реабилитации и возвращения части сосланных в деревни обратно в город. У семьи его матери еще оставались связи, и они уже хлопотали за него. В такой момент ему нужно было вести себя безупречно, не допуская ни единого пятна на репутации. Чтобы вернуться в Пекин, помимо усилий с той стороны, требовались положительные характеристики от местной производственной бригады и властей, так что рисковать было нельзя. К тому же, после возвращения в столицу он не хотел, чтобы ошибки прошлого стали камнем преткновения на его пути к вершинам власти.

Фэн Кэн обещал, что когда придет время возвращаться, он обязательно заберет Гу Лили с собой. Благодаря этому Гу Лили временно оставил мысли о спекуляции. Но сейчас, глядя на то, как эти двое виновников его бед, Гу Сьюань и Се Иян, живут припеваючи — во сто крат лучше, чем он сам, — он чувствовал невыносимую несправедливость. Гу Лили закусил губу, решив: «Нужно пойти к Фэн Кэну и поговорить. Так продолжаться не может».

После ужина Гу Сьюань и Се Иян зажгли свечу и сидели в обнимку, болтая. На самом деле деревня Юньси не была глухоманью, электричество туда провели еще несколько лет назад, но оно стоило дорого. По ночам люди, за исключением крайних случаев, предпочитали пользоваться свечами. Гу Сьюаню было не жалко денег на свет, но, хотя семьи и разделились, счетчик на дом оставался общим, и споры из-за оплаты счетов могли стать лишней головной болью.

Подумав об этом, Гу Сьюань прищурился. Кажется, нужно было искать возможность перебраться в город. А лучше всего — забрать Се Ияна с собой. Так он всегда был бы под присмотром, и не пришлось бы гадать, чем он там дома занимается и не забыл ли снова поесть.

Се Иян потерся о твердую грудь мужа и, заглянув в его бесстрастное лицо, полюбопытствовал:

— Муж, о чем ты думаешь?

— О делах на заводе, — невзначай бросил Гу Сьюань, а затем опустил взгляд на супруга: — А ты чем сегодня дома занимался? Прилежно учился, как я велел?

— ... — Се Иян.

У Се Ияна внезапно возникло чувство, будто за ним пристально следит строгий школьный учитель.

— Конечно, учился! — сияя, ответил он. Се Иян вскочил, подошел к столу у окна и принес две лежавшие там книги. — Хе-хе, я их специально захватил с собой, когда меня отправили сюда, в деревню. Сегодня весь день их читал.

При свете свечи Гу Сьюань разглядел, что это были учебники по математике и литературе за девятый класс. Он одобрительно кивнул:

— Очень мудро.

Улыбка Се Ияна стала еще шире, но вскоре он подпер подбородок рукой и с досадой произнес:

— Я несколько лет не открывал книги. Сегодня заглянул и понял, что забыл кучу

математических формул, стихов и статей.

Гу Сьюань коснулся его щеки и небрежно успокоил:

— Ничего страшного. Ты в любом случае знаешь больше меня — у меня-то всего лишь начальное образование.

Ложь лилась из уст великого мастера Гу легко и непринужденно.

— ... — Се Иян взглянул на мужа.

«С таким самоуверенным видом и не скажешь, что ты окончил только начальную школу. Пожалуй, даже столичные профессора тебе в подметки не годятся». Что ж, Се Иян, ты попал в самую точку.

Сьюань ущипнул его за щеку:

— Чего смотришь?

Се Иян покачал головой и, преисполненный решимости, обхватил его за руку:

— Ничего, муж. Даже если ты ученик начальной школы, это не беда. Я буду прилежно учиться, а потом научу тебя. Хе-хе...

От мысли о том, что он будет давать уроки такому холодному и серьезному человеку, как его муж, он ощутил странный азарт.

— Ну всё, давай начинать! — ученик Се Иян в мгновение ока превратился в старательного маленького учителя.

Правда, очень скоро «учитель Се» начал сомневаться в реальности происходящего. Он поднял глаза и с трудом выдавил:

— Муж... у тебя что, фотографическая память?

Гу Сьюань прищурился и решительно покачал головой. С невинным видом он спросил:

— Что это такое? Просто у меня с детства память неплохая: обычно стоит один раз прочитать или увидеть, и я запоминаю.

Се Иян пристально посмотрел на него, и его взгляд наполнился бесконечным сожалением. Спустя долгое время он растерянно спросил:

— Так почему же ты не пошел в среднюю и старшую школу?

С таким интеллектом, иди его муж по проторенной дорожке, он бы сейчас если не великим ученым стал, то уж точно ведущим инженером...

Гу Сьюань, поняв его мысли, вскользь объяснил:

— Обучение в средней школе стоило больше четырех юаней за семестр, плюс расходы на питание. Нас с братом двое — это выходило минимум пятьдесят юаней в год. А работая в поле, каждый из нас приносил в семью больше этой суммы. К тому же, заработанные нами деньги позволяли Гу Лили и Лаосы продолжать учебу.

Се Иян всё понял, и его затрясло от гнева. Такие бездельники, как Лаосы (который три года поступал в захудалое училище) и Гу Лили, лишили возможности учиться такого гения, как его муж. Родители были просто до невозможности предвзяты.

Видя, как тот разволновался, Гу Сьюань притянул его к себе:

— Всё в порядке. Послушав тебя сегодня, я понял, что всё это довольно просто. Думаю, я смогу сразу поступить в университет, так что школа — дело десятое.

— ... — Се Иян. Его муж был чертовски уверен в себе. Хотя, похоже, не без оснований.

Гу Сьюань нежно поцеловал супруга в макушку и негромко добавил:

— К тому же, если бы я всё это время учился, мы бы с тобой могли и не встретиться.

Се Иян тут же энергично закивал. Это был весомый аргумент. Он крепко обвил шею мужа своими тонкими руками так, что не оторвать, и, притираясь к нему, пробормотал:

— Муж, мы всегда должны быть вместе. И в университет тоже пойдем вместе.

«Как же моя жена умеет ластиться», — подумал Сьюань. Он подхватил его на руки и понес к кровати. Склонившись к самому уху Се Ияна, он произнес низким, магнетическим голосом:

— Конечно. Я во всем слушаюсь «учителя Се».

У Се Ияна покраснели кончики ушей. С чего бы это муж вдруг и правда начал называть его учителем? Немного стыдно. Впрочем, Се Иян был еще слишком молод и не знал, что «учитель» в обычный вечер — это еще пустяки. Настоящий стыд придет позже, когда в порыве страсти в постели это слово зазвучит совсем иначе.

Шли дни. Гу Сьюань исправно ездил на работу на завод сельхозтехники. Фан Цзе, который поначалу считал себя опытным наставником, спустя несколько дней понял, как ему непросто. И дело было не в том, что новички были плохи — напротив, он страдал от удара по собственному самолюбию.

Удар нанес, конечно, Гу Сьюань. На второй день, помня о вчерашней помощи, Фан Цзе рискнул доверить тому ремонт двигателя. На заводе это было неслыханно: новички обычно месяцами ходят в подмастерьях, начиная с чистки и смазки. Но Гу Сьюань не был обычным человеком.

Этот опыт заставил Фан Цзе окончательно осознать масштаб таланта коллеги: техника, сообразительность, твердость рук — он ничуть не уступал ветеранам с многолетним стажем. Меньше чем за неделю Фан Цзе почувствовал себя «опустошенным» — в ментальном плане. Всё, что он узнал за два года на заводе, тот не просто перенял, но и стал делать лучше, аккуратнее и точнее. Эффективность Гу Сьюаня была выше, чем у наставника.

В итоге сложилась странная ситуация: Фан Цзе большую часть времени возился с Лин Чжи, а львиную долю сложного ремонта в их группе выполнял Гу Сьюань в одиночку. Скорость их группы стала самой высокой в отделе двигателей. Ма Цзюнь, заклятый враг Фан Цзе, не раз приходил с едкими замечаниями, подозревая подвох.

Вскоре на заводе наступило затишье. В десяти коммунах их уезда было около двухсот тракторов, но серьезные поломки случались нечасто — мелкие неисправности устраняли

местные техники. По окончании весенней страды работы поубавилось. Однако Гу Сьюань не бездельничал: он то возился среди груд запчастей и списанных тракторов, то просиживал за книгами, делая записи в блокноте. Фан Цзе и Лин Чжи поначалу пытались учиться вместе с ним, но сухие технические тексты быстро им наскучили, и они вернулись к своему обычному ритму.

И вот наступил день первой зарплаты. Помимо положенных 27 юаней и талонов на зерно и масло, Гу Сьюань получил талоны на два цзиня мяса. Была и еще одна хорошая новость: их тройку признали передовой группой месяца. Им вручили грамоту и премию: пять юаней и полтора чжана ткани — этого вполне хватало на два взрослых костюма.

В тот день в столовой по случаю зарплат давали отличный обед: свинину «хуйгожоу» и мясные баоцзы. Сьюань купил побольше и того, и другого, чтобы отвезти домой.

Вечером, когда контейнер был открыт, даже привыкший к гостинцам Се Иян ахнул:

— Сегодня в вашей столовой такой пир?

— Сегодня выдали зарплату, — кивнул Сьюань и выложил перед супругом все деньги и талоны.

Се Иян сгреб их в охапку и, сияя, прижался к мужу:

— Муж, я буду выдавать тебе карманные деньги по норме каждый день!

— Раз «учитель Се» так решил, значит, в этом есть смысл, — сухо ответил Сьюань.

Се Иян слегка покраснел. Ну вот, середь бела дня — и снова «учитель».

Аромат «хуйгожоу» — свинины, обжаренной с соевой пастой и чесноком — был настолько сильным, что его почувствовали даже в соседних дворах. Се Иян еще и подогрел мясные баоцзы на пару над кашей — запах стал совершенно умопомрачительным.

Хотя с тех пор как Сьюань устроился на работу, из дома Гу почти каждый вечер доносились вкусные запахи, сегодняшней аромат был слишком вызывающим. Первым взорвался не привычно ворчливая мать Гу, а Гу Лили, старавшийся всегда держать марку «возвышенного человека».

Он выскочил к Гу Сьюаню, когда тот нес тарелку:

— Сань-гэ, это уже слишком! Ты же знаешь, что люди мясо видят пару раз в год, а ты каждый день устраиваешь тут пиры. Ты нас за людей не считаешь?

Гу Сьюань смерил его ледяным взглядом:

— Пару раз в год? Это ты о себе? О том, как ты до раздела семьи втихаря за спинами у всех ел яйца и пил подслащенную воду? Тогда ты считал остальных членов семьи за людей?

— Сань-гэ!.. Вечно ты старое поминаешь! — Гу Лили запнулся от злости.

— Раз делал — не бойся, что скажут. Кто ты такой, чтобы совать нос в мои дела? — голос Сьюаня был как лед.

Гу Лили стиснул зубы:

— Пусть так, но о родителях ты должен подумать! Ты тут ешь в три горла, а они должны просто стоять и нюхать?

Тут, не дожидаясь ответа мужа, Се Иян холодно рассмеялся:

— Гу Лили, тебе ли об этом говорить? Я целыми днями дома и вижу всё, что ты делаешь. Сегодня утром вы с Фэн Кэном жарили птицу на горе. Ты хоть подумал о том, чтобы принести кусочек родителям? Это, заметь, не «старое», а сегодняшнее дело!

— Ты... — Гу Лили мгновенно побледнел. Он развернулся и бросился прочь.

Он и не подозревал, что Се Иян следит за ним. На самом деле Се Иян просто угадал: Гу Лили вернулся утром с лоснящимися губами и парой перьев на одежде.

Гу Сьюань прищурился, глядя вслед убегающему брату. Похоже, горбатого только могила исправит — взялись за старое.

Се Иян помахал ладонью перед его лицом:

— Всё, он ушел. На что ты смотришь?

Гу Сьюань перехватил его тонкие пальцы:

— Расшалился?

— И вовсе нет, — надул губы Иян.

Гу Сьюань ущипнул его за щеку:

— Конечно, нет. Ты же теперь человек уважаемый, «учитель Се».

— ...

Ох, и кто тут из них двоих еще шалит.

Они сели друг напротив друга. Се Иян протянул мужу палочки:

— Ешь скорее!

— Прошу вас, учитель Се, начинайте первым, — невозмутимо отозвался Гу Сьюань.

Се Иян глубоко вздохнул, глядя на мужа. Он начал всерьез подозревать, что у этого человека есть какие-то ну очень специфические пристрастия.

—